

ДЕСЯТЬ

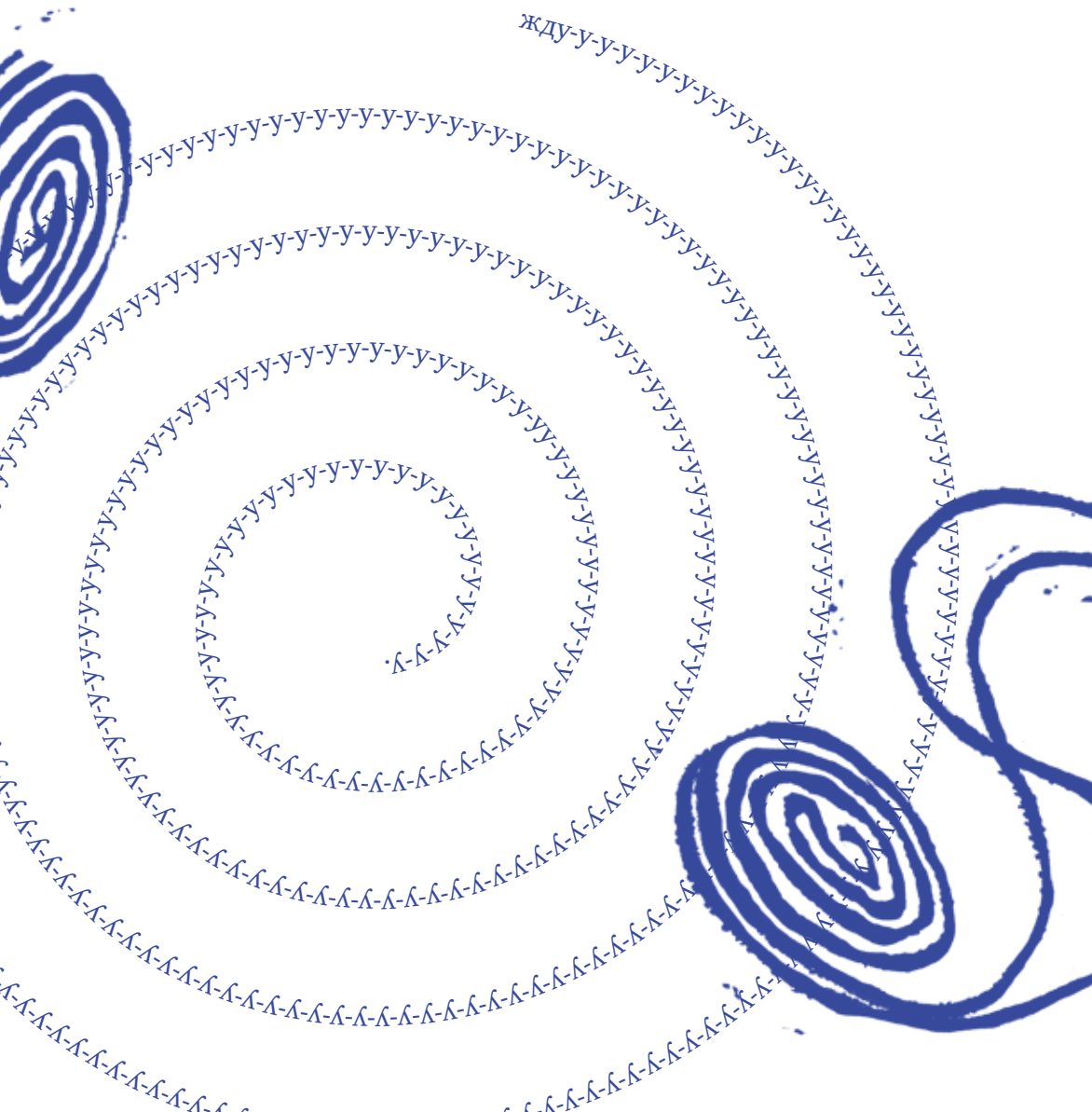

С чего начинается эта история? Правда ли она начинается здесь и сейчас? Как я лежу в своей комнате, жду Ням-Ням, а время тикает слишком медленно? Нет ли чего-то ещё, какого-то события до того, о чём собираешься рассказать?

Тебе, наверное, непонятно, почему я лежу здесь с голубой краской на лице. Откуда взялась краска вокруг моих глаз. Но если бы я стала об этом рассказывать, эта история началась бы совсем не с того. А, например, вот с чего: «Давным-давно ещё не было никакой утраты. Давным-давно меня называли Тони-Пеперони». Может, всегда есть что-то до. И ещё раньше. И ещё. Всё дальше назад, до Большого взрыва...

Я думаю так и представляю себе время, допустим, как лакричную улитку. Время — упругая лакричная спираль, на которую можно нанизывать жемчужины воспоминаний. Время — черепаха на спине, кошка в снегу или кошка с огурцом, время — это ракета. Время — дива в туфлях на шпильках. Время — заказанная пицца, которую никак не доставят. Время — это месяцы, недели, дни, часы, минуты, секунды между визитом к врачу и буком в лесу.

Ты когда-нибудь замечал, как медленно тянется время, когда тебя, например, оставили после уроков, поскольку, вместо того чтобы писать диктант, ты лишь снова и снова выводишь в тетради её имя, ведь в голове у тебя ничего больше нет, кроме её имени и числа тридцать семь? Тогда дурацкое время нарочно тянется медленно. Вот как сейчас, когда я лучшую свою подругу

Зато если вы с Ням-Ням на игровой площадке, в лесу или на речке, что-нибудь мастерите или прикручиваете, сидите за компьютером или играете в футбол, то не успеешь оглянуться, как время р-р-раз — и пролетело. И ты такая — чего? Как так? А уже всё.

Ты когда-нибудь задумывался, почему время проходит с разной скоростью? И почему обратный отсчёт всегда начинается с десяти, а заканчивается нулём, будто после ничего уже быть не может?

Может, вся твоя жизнь — обратный отсчёт, а ноль — момент смерти. Но кто ведёт этот обратный отсчёт? И откуда тебе знать, когда будет ноль и с чего начать? Откуда тебе знать, сколько ещё жемчужин-воспоминаний осталось нанизать на лакричную спираль времени? Кстати, я тут вспомнила кое-что — надо скорее записать.

ДНЕВНИК ТОНИ

Как мы отмечали моё десятилетие пирогом в форме пеперони. В честь Тони-Пеперони. С гирляндой из настоящего стручкового перца над столом. Как брали друг друга на слабо, кто не побоится от него откусить. Как мама плакала, но не от горького вкуса. Как папа обнял нас длинными руками и получилась семейная куча мала.

ДЕСЯТЬ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Значит, тут я и начну свой рассказ. Обратный отсчёт пошёл. Вот так. Прямо сейчас, пока я лежу здесь на полу у себя в комнате и жду Ням-Ням, а время — лакричная улитка — никак не желает проходить. А начну я именно сегодня, потому что этого дня, точнее ночи, я ждала несколько недель: сегодня мы с Ням-Ням будем ночевать в саду. В палатке! Одни! Тада-а-а-а-а-ам!

Палатка называется «Фантом-3000», и она такая неустойчивая, что перед установкой её сначала надо укротить. И ещё извечный вопрос — куда какую дугу вставлять. Мама разобралась довольно быстро, а вот папа... Из недр палатки доносится его ругань, а снаружи кажется, будто палатка его переваривает.

Так вот, сегодня нам разрешили переночевать в саду, и у нас есть план. Миссия — установить контакт. Но об этом я расскажу потом. Все радиодетали для рации спрятаны у меня под кроватью. А самое классное — что мы несколько недель копили карманные деньги и купили на них снеков. Папа, конечно, ни о чём не знает: ни о рации, ни о снеках.

Ты хоть представляешь, каких усилий мне стоило их не слопать? Под кроватью пол-ящика лакомств — аж слюнки текут! Но я стала снэк-джедаем и всё-таки удержалась — а всё потому, что я так ждала сегодняшнего дня. Правда, один пакетик драконьих языков до него не дожил. А сейчас меня так и тянет умять ещё пакетик вампиров. Но ты только

посмотри, как я собой владею и не поддаюсь соблазну. Настоящий снэк-джедай!

В общем, у нас всё продумано и мы отлично подготовились.

Скорее бы уже начать. Будильник у кровати утверждает, что прошло всего пять минут! ПЯТЬ МИНУТ?! Что за тормозной будильник!

Пожалуй, сначала нам надо представиться! Ням-Ням — мой самый близкий человек, она меня смешит, она из тех подруг, что не дадут тебе пропасть. Она знает меня лучше всех и понимает без слов. А ещё Ням-Ням ходит со мной к буку в лесу, который называется «Вечный покой», и надувает мыльные пузыри. Она моя закадычная картоfellow. Каждому нужен такой друг или подруга — картоfellow, вот моё мнение.

АНКЕТА ДЛЯ ДРУЗЕЙ

Имя Ням-Ням

Возраст 10 лет, 115 дней, 16 часов, 12 минут и 43 секунды. ← По моим прикидкам. А вот Ням-Ням знает наверняка: у неё есть приложение, которое показывает точный возраст.

Спорт Размышления, футбол

Суперсила Гуглит быстрее, чем ковбой успеет выхватить револьвер.

Любимое животное Звёздный единорог

Любимый цвет Пёстрый

Любимые занятия Непоседа, энергии хватит на двоих. Любит столярничать и паять, пилить и мастерить, выдумывать разные штуки. Копить знания. Гуглить. Википедить. Кусочничать.

Ей нравится Лапша быстрого приготовления «НЯМ-НЯМ» со вкусом креветок. Космос. Исследовать. Добиваться результатов. Скорость. Хэллоуин. Кислый жевательный мармелад в форме соломки. Пицца. Чипсы. Загорать. Забивать голы. Книги.

Ей не нравится Правила и запреты её мамы. Каперсы. Спаржа. Помидоры. Слизкие грибы. Шоколадное мороженое. (Эй! Как можно не любить шоколадное мороженое?!) Когда ей врут. Сидеть на одном месте. Ждать. Стоять в очереди. Салат.

Имя Тони-Пеперони

Возраст 10 лет, по ощущениям 170

Спорт Лежать

Суперсила Сила притяжения

Любимое животное Тоторо

Любимый цвет Красный. Голубой. Блестки.

Любимые занятия В данный момент — лежать. Проводить время с Ням-Ням.

Мне нравится Картошка фри с кетчупом и майонезом, слонята на ютубе. Море. Шоколадное мороженое. Японское аниме. Чипсы. Хэллоуин. Лакрица. Стеллаж в память о маме.

Мне не нравится Салат. Больничный запах. Похороны. Пауки. Клещи за ухом. Писк перфузора. (← Тебе ни к чему знать, что это такое. Лучше этого не знать.) Проигрывать в чём бы то ни было. Моя сила притяжения вдвое или втрое больше твоей, спорим?

А ты кто?

Имя

Возраст

Спорт

Суперсила

Любимое животное

Любимый цвет

Любимые занятия

Тебе нравится

Тебе не нравится

Особые навыки

Какое самое большое приключение тебе хочется пережить?

У тебя есть закадычный картоfellow?

Давай пиши прямо в книжке!

ДЕСЯТЬ (НАКОНЕЦ-ТО!)

Динь-дон. Дверной звонок! Наконец-то! Время из черепахи превращается в гепарда. Пора нанизывать новые события на лакричную спираль. Я вскакиваю и, скользя в носках по полу как по льду, огибаю дверь в углу комнаты, мчусь по коридору мимо гостиной, столовой и папы к входной двери. А вот и она: антенны-косички, за плечами рюкзак, топчется у порога. Ням-Ням пришла!

— Наконец-то!

— Тоторони! — Она кидает рюкзак в угол, снимает куртку, на бегу роняет её на пол и произносит лишь одно слово: — Туалет!

Она всегда так. Первым делом Ням-Ням надо пописать — такая уж она есть. Тоторони — Тони-Пеперони + Тоторо, а Ням-Ням — ну, ты ведь понимаешь? Я в тебе и не сомневалась.

Я, значит, с её тяжеленным рюкзаком за ней к двери туалета. На телефоне у неё играет музыка: без звуков она не может.

— Всё принесла?

— Да, в рюкзаке.

— Чего ж он такой тяжёлый?

— Прибор. А ты как думала?

Тут из-за угла появляется папа, и я напускаю на себя беззаботный вид. Заметив, что он хочет что-то сказать, я за-

катываю глаза, качаю головой и прикладываю палец к губам — ничего не говори, пап, только не сейчас, но он вообще не сечёт.

— Рад, что ты пришла, Ня... Нет?

— Ну папа! Вторжение в личную сферу — не, не слышал?

Он поднимает руки, беззвучно извиняется, разворачивается и скрывается в кухне.

— Он ушёл? — спрашивает Ням-Ням из-за двери, где играет классика, что-то на фортепиано — я в этом не разбираюсь.

— Да.

— Палатку поставили?

— Да. Целую вечность провозились.

— Кстати, классная маска.

— Маминой краской для Хэллоуина нарисовала.

— Очень круто. Красивая синева.

— Спасибо.

— Ей бы понравилось.

— Да... Подожди, я сейчас... В комнату сбегая!

ДНЕВНИК ТОНИ

Как она нарисовала мне на лице бабочку — я тогда ещё в детский садик ходила. Я сидела с закрытыми глазами на стиральной машинке в ванной. Она раскрашивала мне лицо и объясняла, что такое метаморфоза и как бабочка становится из гусеницы бабочкой. А для меня это такое чудо, хотя она столько раз читала мне вслух «Очень голодную гусеницу», что я помню её наизусть — до сих пор.

Как она закончила и дала мне зеркальце, и я разглядывала бабочку у себя на лице — красивее не придумаешь. Я чувствовала себя метаморфично. Как вечером я не хотела её смывать и ревела, и бабочка осталась на лице.

ДЕСЯТЬ (ВСЁ ЕЩЁ)

Папа выпил уже два бокала красного вина и ест медленно, как черепаха. Мы с Ням-Ням уже минут десять сидим закатив глаза, потому что мы-то свои порции спагетти с песто уже проглотили, а папа всё гоняет салат по тарелке и заводит взрослую волынку:

— Бу-бу-бу... Школачегототам... бу-бу-бу... скороаттестаты... бу-бу... съешьтехотьнемногосалата, он полезен... бу-бу... заправкасбальзамическимуксусом... поступитевгимназию...

Ням-Ням умудряется с интересом слушать и время от времени кивать, а мне никак не удаётся. Папа наливает себе третий бокал вина и начинает грустить, как всегда по выходным, с тех пор как... Потом уходит в туалет и возвращается с красными глазами, думает, я ничего не замечаю. Интересно, капли на стенках бокала поэтому называют «винными слезами»? Вот была бы такая плачевня, куда можно просто пойти поплакать, и чтобы никто на тебя не косился, как харчевня, только не для еды, а для плача. Папа каждый вечер

выпивает не меньше одного бокала, с тех пор как... с тех самых пор... Во мне вдруг разверзается дыра, я даже думать об этом не могу. Ещё одна попытка: с тех пор как...

— Тони!

— Что?

— Я тебе вопрос задал.

— Я отвлеклась, прости, что?

— Ты наелась?

— Да, сейчас лопну!

— И я о том же! — Мы с Ням-Ням даём друг другу пять.

— Значит, десерт тут никто больше не хочет?

— ЕЩЁ КАК!

— Десерт!

— Лучше не надо: лопнувших детей потом трудно отскребать от ковра.

— У меня в желудке специальный отдел для десерта. Как у коровы. Смотри, пап, вот мой десертный желудок.

— В морозилке есть мороженое, — улыбается он, и мы мчимся в кухню.

Папа и глазом моргнуть не успел, как мы уже вернулись.

Перед нами мисочки, а посреди стола — ведёрко с мороженым. На упаковке написано *Strawberry Cheesecake* — клубничный чизкейк. Папа говорит, пусть немного подтает. Зачем мороженому таять в упаковке, если оно и у меня во рту прекрасно растает? Мы с Ням-Ням гипнотизируем ведёрко, чтоб быстрее разморозилось.

— Под-тай! Под-тай! — скандируем мы, барабанив ложками по столу.

Мороженое от этого мягче не становится, зато папино терпение на исходе. Три, два, один:

— Вот. — Он выковыривает мороженое и раскладывает по мисочкам.

Будь я папой, меня бы удивило, что мы не просим добавки, но папа лишь спрашивает Ням-Ням о звёздах, даже не подозревая, что ночью мы будем есть ещё сладости. Тонны сладостей. Папа сидит, пьёт вино и не знает, что сегодня ночью мы стрескаем ещё кучу чипсов. Всё это — сопроводительная программа к миссии «Установить контакт с мамой». Скорее всего, у нас ничего не выйдет — хоть чипсами утешимся.

— Ай!

Ням-Ням пинает меня под столом по ноге: ей надоело в десятый раз объяснять моему папе сверхновую. Тогда я прихожу ей на выручку:

— Пап, мы всё. Можно нам в сад?

— Сначала зубы почистите.

— Ла-а-адно.

— Посуду в кухню отнесёте?

— Ла-а-адно.

Будь я папой, меня бы насторожило, что мы как овечки блеем «ла-а-адно», но я всего лишь я.

— Умойся! — кричит мне вдогонку папа.

Я думаю «не-а», но ничего не говорю: надеюсь, после чистки зубов он об этом забудет. Ибо: голубая маска вокруг глаз для особой миссии — смывать её я не собираюсь.

Я смотрю на своё отражение в зеркале и ищу в нём её след — может, форма губ? У Ням-Ням во рту уже гудит зубная щётка, а на лице написано «акуна матата». Знаешь, что это? Нет? (В переводе с языка суахили «акуна» означает «никаких», а «матата» — «забот».) Пена стекает у Ням-Ням с подбородка и капает в раковину. Она хочет что-то сказать и плюётся пузырьками, мы хихикаем. От электрических зубных щёток у меня щекочет в носу и я сразу начинаю чихать, поэтому чищу вручную. Ням-Ням говорит, что её зубы в десять тысяч раз чище моих. Раз — и почистила. Мне кажется, она буквально во всём быстрее меня в два раза. (Кроме еды!) И вот уже она мчится из ванной в мою комнату. Я смотрю себе в глаза в обрамлении бирюзовой маски, рука движется вправо-влево, вправо-влево, теперь вверх-вниз, вверх-вниз. Я аристократично оттопыриваю мизинец — лак с ногтя уже почти сошёл.

ДНЕВНИК ТОНИ

Тёмная линия под ногтем большого пальца на маминой левой руке. И как она всё думала: да нет там ничего — и закрашивала её ярко-красным лаком. А потом там всё же что-то оказалось...

Её пальцы на кухонном столе, когда она красила ногти. Взмахи руками, чтобы лак скорее высох. Как она после долгих упрасиваний накрасила мне левый мизинец. (Нытьё 1000-го уровня, на грани истерики.) На флаконе написано «Шанель», теперь он стоит на полке вместе с другими вещами. По воскресеньям я всегда крашу ноготь на левом мизинце. На сколько ещё хватит лака? На сто ногтей?

ДЕСЯТЬ (ДА, ВСЁ ЕЩЁ)

Ням-Ням в пижаме-комбинезоне с единорогом, проехавшись по полу, проскальзывает в дверь и возвращает меня мыслями в ванную.

— Где снеки?

— В ящике под кроватью, — отвечаю я с полным ртом зубной пасты, и Ням-Ням тут же убегает.

Прополоскать рот, помыть зубную щётку, ещё думаю — а не умыться ли всё-таки, часть меня готова послушаться, но бóльшая часть — та, что с рожками — упрямится, и я не умываюсь. Папа включает в гостиной музыку: после бука в лесу он слушает одну и ту же пластинку. Я ему предлагала просто поставить плейлист на повтор, но он говорит, переворачивать — лучше всего.

— Заметно?

Ням-Ням набила снеками рукава и штанины комбинезона. Ещё как заметно. Особенно шорох при каждом движении. Чу-до-вищ-но заметно.

— Да.

— Ну вот. Как же быть? Ещё ведь рюкзак надо вынести.

— Ты все снеки собрала?

— Да ты что! Только половину — остальные придётся нести тебе.

— У меня есть идея. Подожди с рюкзаком в ванной. Когда папа зайдёт ко мне в комнату, прошмыгнёшь в сад и отнесёшь всё в палатку.

Я роюсь у себя в гардеробе, нарочно устраивая кавардак.

— Папа?! ПАПА! ПА-ПА?! — Громкость 8,4.

— Чего?! — кричит он из гостиной.

— ГДЕ МОЙ КОМБИНЕЗОН С ТОТОРО?!

— В шкафу!

— Нет его там!

— В нижнем ящике! Свёрнутый!

— Не могу найти!

— Глаза разуй!

— Его нигде нет, он пропал! — Я стараюсь подпустить в голос плаксивые нотки. Подействовало: я слышу его шаги.

Пока мы с папой роемся в груди моих вещей (чёртпобери... бу-бу-бу... проявить ответственность... бу-бу-бу... стать аккуратнее... Тони... мыведьтольковчераубиралишкафу... бу-бу-бу-бу...), Ням-Ням крадётся из ванной в сад.

Доходит до того, что я уже и правда не знаю, где мой комбинезон с Тоторо, и у меня ненадолго сдают нервы, я едва не реву — взаправду, но тут папа выуживает его из кучи.

— Да вот же он! Иди-ка умойся, нельзя так спать, Тони, ты ведь уже большая девочка...

У меня вдруг начинает дрожать подбородок, потому что дуррацкие слёзы подступают к горлу, приливают к глазам и рвутся наружу, но папа это видит и ставит нотации на паузу:

— Ну, иди сюда. — И обнимает меня.

Я не хочу, чтобы красивая голубая краска у меня на лице размазалась из-за слёз, поэтому запрокидываю голову и загоняю их обратно.

— ТЕЛЕФОН! Моя мама звонит! — в панике вопит из гостиной Ням-Ням, перекрикивая музыку.

Папа чмокает меня в макушку:

— Иду!

Мы с Ням-Ням набиваем комбинезоны оставшимися снеками, а папа сражается по телефону с мамой Ням-Ням. Много «гм», «да-да» и призывов не волноваться. Дело в том, что мама у Ням-Ням очень строгая. Когда Ням-Ням ночует у нас, она звонит не меньше двух раз.

Мы похожи на астронавтов в скафандрах: двигаемся медленно, ноги при ходьбе почти не сгибаем, чтобы упаковки

не шуршали так громко. Сейчас начнётся миссия — приземлиться в саду, миссия — космическая рация, миссия — установить контакт с мамой: мы как луноходцы шествуем по гостиной к двери на террасу. Папа всё ещё говорит по телефону — закатив глаза, показывает на трубку.

— Мы астронавты... В замедленной съёмке.

Он поднимает большой палец.

— Мы на выход. Миссия — приземлиться в палатке.

Он снова показывает поднятый палец.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! Я сейчас выйду к вам наружу. Что?.. Да... Наружу. Нет, ни на какую улицу они сейчас не пойдут, не волнуйтесь. Всего-навсего в сад. Да, сад снаружи, в доме у нас сада нет. Да. Гм. Не переживайте. Да, она уже... Бу-бу-бу... М-м-м?

ДЕВЯТЬ

Я вдыхаю вечерний воздух. Пахнет древесным углем для барбекю и цветами, выходными и близкими летними ка-никулами. Где-то фыркает поливалка для газона, у соседей на крыше распевает во всё горло дрозд-хулиган. Ещё не до конца стемнело, но уже зажигаются первые звёзды.

— Она только и знает, что меня контролировать! Ниче-го мне не разрешает! Никогда! Моя мама — полный отстой! Нет, ну правда! Ненавижу её! — ноет Ням-Ням, а меня это бесит. Ибо:

— У тебя она хотя бы есть!

Опять я борюсь со змеями в горле. Время на миг замира-ет — в носу, что ли, ковыряется.

— Прости.

— Мне так её не хватает.

— Могу себе представить.

— А вот и не можешь!

Никто не может себе представить, каково это — тосковать по умершей маме, если только у тебя самого мама не умерла. Чувство утраты больше Вселенной. Смерть больше Вселенной. Смерть — гудение между атомами. Услышав её однажды, ты слышишь её всегда. Услышав однажды её дыхание, ты узнаёшь, что она хрипит как кофейник. Поди забудь этот звук.

Я валюсь на спину, в попу мне упирается упаковка маршмеллоу, по вискам стекают слёзы, прокладывая шоссе к ушам. Я пытаюсь их подавить, чтобы не размазать голубую маску. Вообще-то я больше злюсь, чем горюю. Ещё и потому, что взрослые держат меня за дурочку: «Твоя мама теперь на небесах и присматривает оттуда за тобой». Или: «Она теперь твой ангел-хранитель». Не нужен мне никакой ангел-хранитель. Я хочу танцевать с мамой по гостиной. Пусть она меня за что-нибудь отчитает. Пусть даже дверью хлопнет. Я согласна на всё, даже на плохое, чего раньше никогда не хотела. Мне всё равно, всё-всё, лишь бы не долбанный ангел. Как мама может быть ангелом? У неё что, крылья? Она типа на дурацком облаке живёт? Потягивает с госпожой Метелицей лимонад из ревеня или чаёк, болтая о том, что надо бы выбить перину?

— Как мама теперь может быть на небесах? Как? — спрашиваю я Ням-Ням резче, чем намеревалась.

— Не знаю.

— Может, это просто сказка, как Дед Мороз, госпожа Метелица или Красная Шапочка. Может, космическая рация — бредовая идея, и она не работает.

— Сработает.

— А вот и нет! Я думаю, её больше нет! Умерла — и всё!

Если хочешь знать, почему Ням-Ням — моя лучшая подруга, то вот ответ: Ням-Ням просто ложится рядом со мной, берёт меня за руку и спокойно говорит:

— Так не бывает, Тони. Она не может исчезнуть совсем. Энергия во Вселенной никуда не девается. Закон такой есть. «В замкнутой системе сумма всех энергий остаётся неизменной. Полная энергия сохраняется». Википедия.

— Понятия не имею, что это значит.

— Это значит, что твоя мама не МОЖЕТ просто взять и исчезнуть. Где-то чем-то она ДОЛЖНА ещё быть. Даже если не верить в сказки или бога. Это так. Закон такой.

— Пусть нас заберёт Тоторо и отвезёт в котобусе к маме.

Голос у меня резиновый, у него крошечные ступни и короткие ножки, мой голос пищит и совсем уже не мой голос. Голосу, который произносит эти слова, не десять лет, а четыре года. Ненавижу этот голос.

— Да, было бы здорово.

Голос Ням-Ням — тёплый, мягкий и суперумный, он хочет меня утешить, но не знает как. Поэтому мы просто тихо лежим на спине в комбинезонах, давим попами маршмеллоу и чипсы, впуская в глаза раннюю ночь. Удивительно, как всё продолжается, будто ничего и не произошло. Всё идёт своим чередом: Земля как вертелась, так и вертится, солнце всходит и заходит, луна то убывает, то прибывает, вот-вот наступит лето, а я не могу этому помешать, хотя мне хотелось бы остановить весь мир. Остановить время. Остановить звёзды. Пусть этот неправильный мир-без-мамы замрёт. Пусть всё замрёт, пока она не вернётся и не растопит лёд у меня в груди, чтобы я снова как следует что-нибудь почувствовала. Пока я не перестану по ней

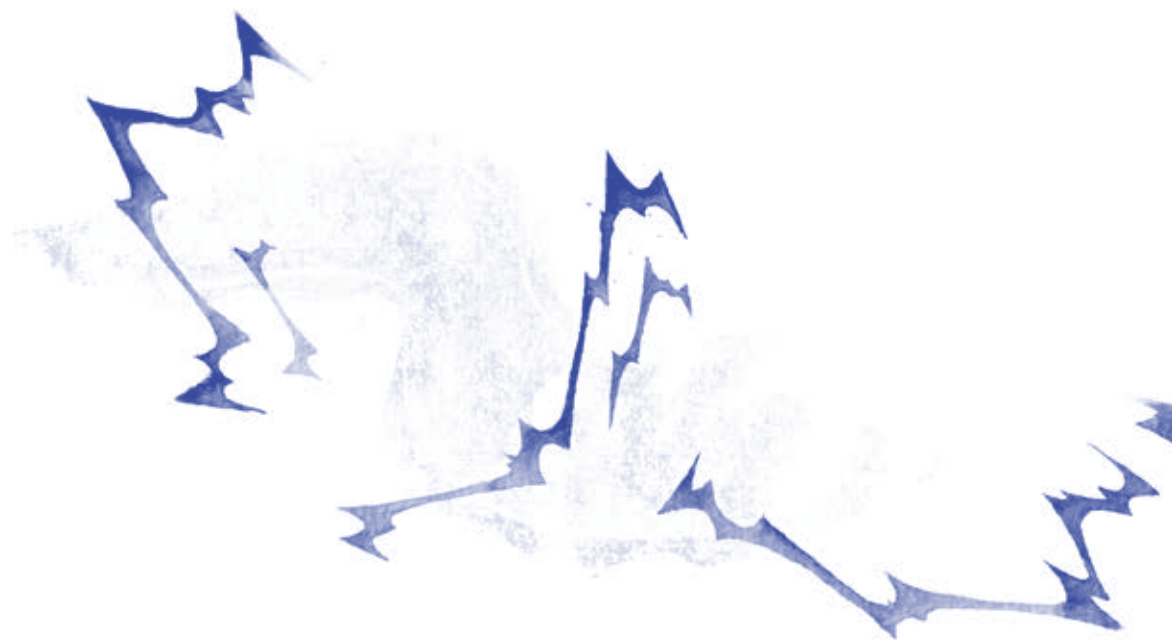
тосковать. Вот бы она просто надолго уехала, а потом вернулась домой, открыла дверь моей комнаты и сказала: «Тони-Пеперони! Я так по тебе скучала!»

ДНЕВНИК ТОНИ

Как мама с папой приклеили к потолку светящуюся звёздную дорожку от моей кровати до туалета. Чтобы я не заблудилась. Как раньше я всё равно заползала в постель к ним, а не к себе. Звёзды всё ещё здесь. А её больше нет.

ДЕВЯТЬ (ВСЁ ЕЩЁ)

Ням-Ням болтает ногами. Знаешь, она ни минуты не может усидеть спокойно — хоть чем-то да двигает. Если не ногами, то глазами, руками, ресницами или локтями. Ням-Ням — электрический угорь, неутомимый часовой механизм, вол-

чок — она просто не может иначе. Думаю, сейчас ей стоит невероятных усилий почти неподвижно лежать рядом со мной. Она уже второй раз шарит в кармане комбинезона в поисках мобильного, но он лежит в кухне на столе, и вообще-то она это знает. Её мама хочет, чтобы у дочери был телефон (в отличие от моего папы, который считает, что я до него ещё не доросла, гр-р-р), но только чтобы она была на связи. По вечерам мама у неё телефон забирает, а когда Ням-Ням ночует у нас, ей приходится оставлять сотовый на ночь на столе. Бедный маленький смартфончик — как ему одиноко! Без телефона Ням-Ням чего-то не хватает. Она как вечно голодная гусеница — только питается не грушами и сливами, а информацией. Ей постоянно нужно пополнять знания из интернета, мира ей иногда просто недостаточно. У неё ненасытный ум, где возникают всё новые вопросы. Каждый день она протаптыкает в интернете бесчисленные дорожки в Википедии. Иногда мы смотрим видео на ютубе, и тогда она говорит, что своими видео со слонятами я сбиваю ей алгоритм (← очень сложное слово, приходится всякий раз гуглить, как оно пишется). Ням-Ням говорит, что ей потом предлагают только видео со слонами. Но мне всё равно, ибо: тебе доводилось видеть, как слонята учатся управлять хоботом? Именно такой мне сейчас представляется моя жизнь: я слонёнок, мне надо работать хоботом, только я не знаю как. Как мне справиться без мамы? У меня же ещё нет мышц для жизни без неё, я совсем не умею двигать хоботом.

Из гостиной слышно, как папа всё ещё сражается по телефону с мамой Ням-Ням. Сейчас он как раз перечисляет, что мы сегодня ели на ужин. Вопрос: ну не зануды ли взрослые? Ответ: да.

— Видишь Большой Ковш? — Ням-Ням, эксперт по космосу, опять оседлала своего любимого конька.

Минутку, сначала надо сориентироваться: где я, где верх — ещё не так много звёзд взойшло. Большой Ковш, погоди-ка, гм, может, вот это он? Я показываю:

— Вон тот?

— Правильно. Он относится к созвездию *Ursa Major* — Большой Медведицы — и напоминает формой колесницу.

Интересно, откуда она всё это знает. И почему медведица?

— Не вижу никакой медведицы.

— Её трудно разглядеть. Оглобля колесницы — это хвост, вон лапы, а остриё — голова.

— Чего? Не вижу ничего подобного. Никакой колесницы. Кстати, что такое «оглобля»?

Ням-Ням вскакивает с земли — наконец-то повод подвигаться. Она шагает по газону, топая правой ногой при каждой отдельной звезде созвездия:

— Вот Алькайд, Мицар, Алиот, оглобля — такая подвесная жердь на колеснице. Потом идёт кузов колесницы. Вот морда, а эти четыре нижние звёздочки — медвежьи лапы.

Мой взгляд, как теннисный мячик, перескакивает с неба на шаги Ням-Ням и обратно, но я так и не въезжаю.

— Всё равно не могу ничего разглядеть, Ням-Ням. Для меня звёздное небо — чёрный платок с мелкими дырочками. А за ним стоит огромная настольная лампа или что-то вроде того... Может, снек?

— Снек!

Мы одновременно расстёгиваем молнии комбинезонов, я выуживаю пачку чипсов — рифлёных с паприкой, а Ням-